

А.С. Васютин

Кемеровский государственный университет
**СРОТКИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ**
**(к вопросу о месте, времени и компонентах
формирования культуры)**

Наиболее последовательным сторонником концепции формирования сроткинской археологической культуры (АК) на основе местной верхнеобской культуры был В.А. Могильников (1981, с. 45; 2001, с. 173; 2002б, с. 4–75). Эта идея о местной основе формирования сроткинской культуры, высказанная М.П. Грязновым (1956, с. 145–152), выделившим ее, в целом подтверждается общим развитием западно-сибирской археологии средневековья и полученными за последнее время новыми археологическими фактами (Савинов Д.Г., 1994, с. 87–92; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 83–84). Понятие «археологический факт» употребляется нами не как синоним факта археологической действительности, а как достоверное знание, полученное на основании эмпирических наблюдений в процессе анализа археологических источников (Викторова В.Д., 1975, с. 22; Шер Я.А., 1985, с. 8–11).

Ключевая позиция «Сросток» в верхнеобском культуругенезе во многом объясняет обострившийся интерес к проблемам ее изучения, переросший в плодотворную дискуссию (Троицкая Т.Н., 2002, с. 103–107), которая породила не только новые вопросы, но и актуализировала отсеянные временем позитивные и общепризнанные археологические факты. Вместе с тем историографически сложилось так, что название алтайского могильника «Сростки» долгое время употреблялось применительно к культуре синхронных некрополей Верхнего Прииртышья. Вплоть до настоящего времени, при наличии археологического эквивалента, культура кимаков не получила своего самостоятельного названия, отличного от сросткинской культуры Лесостепного Алтая (Могильников В.А., 2001, с. 173).

Очевидно, что ранние этапы развития «Сросток» связаны с северными и северо-восточными районами Лесостепного Алтая, с Бийско-Барнаульским Приобьем, с территорией бытования памятников предшествующей верхнеобской культуры. Именно этот район юга Западной Сибири был центром формирования новой сросткинской АК. Это особенно отчетливо наблюдается в связи с полной публикацией В.А. Могильниковым материалов Алейской экспедиции. Согласно полученным данным, с рубежа VIII–IX вв. в северо-западных предгорьях Алтая сосуществовали четыре разнокультурные группы населения по соседству с ареалом формирующейся сросткинской АК (Могильников В.А., 2002, с. 123–125). Этот установленный факт является определяющим в реконструкции этнокультурной ситуации данного периода. Сложившаяся таким образом этнокультурная ситуация была предопределена сосуществованием на юге Западной Сибири кочевых групп и местного угро-самодийского населения. Это документируется материалами Барабы (Преображенка-III) с конца VII–VIII вв., когда на западных границах верхнеобской АК уже происходят процессы смены культурного облика в ареале потчевашской АК, захватившие в дальнейшем и другие районы юга Западной Сибири, в том числе и Лесостепной Алтай. Сокращение ареала верхнеобской АК, начиная с середины VIII в. (это условная археологическая дата) было обусловлено все возрастающим давлением со стороны южных соседей, в том числе населения новой сросткинской АК. Факт сосуществования этих двух культур не подлежит сомнению, но еще не обсуждался в научной литературе детально (Казаков А.А., Неверов С.В., 1991, с. 168–169; Троицкая Т.Н., 2002, с. 104). Как известно, ареал срост-

кинской АК расширяется за счет территорий верхнеобской АК, вплоть до совпадения их основных локальных вариантов в бассейне Верхней Оби (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 81–83; Neverov С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177).

С этой точки зрения очень важен период с середины IX до середины X вв., в который попадают материалы Сросткинского могильника. Это имеет прямое отношение и к верхнеобской культуре, в инвентаре погребений и жертвенных комплексов которой с этого времени широко и массово распространяются типологически сходные с алтайскими изделия. Этот процесс происходил в момент отсутствия «акта» смены культур на северных территориях бассейна Верхней Оби (Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина). Особенно эти инновации проявляются в экипировке всадника и снаряжении верхового коня (Васютин А.С., 2001, с. 144, рис. 1). Не случайно именно в рассматриваемое время происходит наиболее глубокая трансформация верхнеобской АК, которая затронула все важнейшие ее составляющие (погребальный обряд и керамический комплекс).

Немаловажным для корректировки культурной идентификации и уточнения хронологических границ ранних этапов развития «Сросток» является культурно-хронологический статус различных групп погребений из алтайских предгорий. Появилась реальная возможность сравнительного анализа синхронных материалов с близлежащих территорий, что прежде было затруднительно из-за малочисленности данных по Восточному Казахстану. На это указывал еще Д.Г. Савинов, говоря об актуальности выделения памятников, которые предшествовали созданию кимацкого каганата, т.е. до середины IX в. Это важно и для конкретизации участия местного компонента в формировании культуры кимаков (Савинов Д.Г., 1994, с. 75–76), да и сросткинской АК тоже. Естественно возникает вопрос, каковы же были взаимоотношения указанных групп кочевников алтайских предгорий между собой и с населением Верхней Оби. В первую очередь это касается погребений с кремациями конца VIII – середины IX вв. Они вместе с сожженными вещами помещались на древнем горизонте или в неглубокие ямы, представляя собой мелкие скопления фрагментированных кальцинированных костей человека. В.А. Могильников (2002а, с. 68), согласно известной историографической традиции, ближайшие аналогии такому обряду находил в погребениях тюхтятской культуры на Среднем

Енисее. Отсюда эта группа погребений определяется им как пришлая, которая в качестве завоевателей, в непродолжительное по историческим меркам сроки, не только покорила огузов и кимакокыпчаков, но и успела интегрироваться в эту иноэтничную среду. На последнее обстоятельство, видимо, указывает их многочисленность (20 курганов в Гилево-I-V), бедность инвентаря и рядовой характер погребений. Какая-то часть из этой пришлой группы кочевников ушла на запад и север, в лесостепи Западной Сибири (Могильников В.А., 2002а, с. 67, 123). Массовое присутствие енисейских кыргызов в алтайских степях в период активного формирования культуры кимаков и сrostкинской АК очень сомнительно и не согласуется с археологическими фактами. Совсем недалеко от Горного Алтая в сrostкинских курганах также имеются кремированные погребения, сожженные на стороне и размещенные в неглубоких ямах, с инвентарем, синхронным гилевским кремациям (Савинов Д.Г., 1998, с. 176–177, табл. II). Еще больше вопросов вызывает их «легендарный поход» в это время не только на Алтай, но и в лесостепи Западной Сибири, где у северных соседей сrostкинцев действительно в этот период обряд кремации, хорошо известный в предшествующее время, становится доминирующим (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 84–85). Не слишком ли много совпадений?

В сrostкинской этнокультурной среде обряд кремации как и кремации со шкурой коня не является ведущим, но его существование зафиксировано повсеместно и не ограничивается только ранними этапами развития этой культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 178). Так, в Кузнецкой котловине кремации со шкурами лошадей выявлены на ряде сrostкинских могильников X–XI вв., в Ур-Бедарях, курганы №4, 30, 72 (Елькин М.Г., 1961, с. 3; 1970, с. 88–89, рис. 1) *, в Калтышино-1, могила 3 (Савинов Д.Г., 1997, рис. 5) и Торопово-I (Илюшин А.М., 1999, рис. 1 и др.). Устойчивость этого способа погребения среди населения сrostкинской культуры объясняется его местным происхождением, а обряд кремации сохраняется в Притомье до XI–XII вв. (Васютин А.С., Ширин Ю.В., 2002, с. 78–92, рис. 1–7).

---

* На рисунке 1 воспроизведены изображения вещей из отчета М.Г. Елькина, масштаб разный.

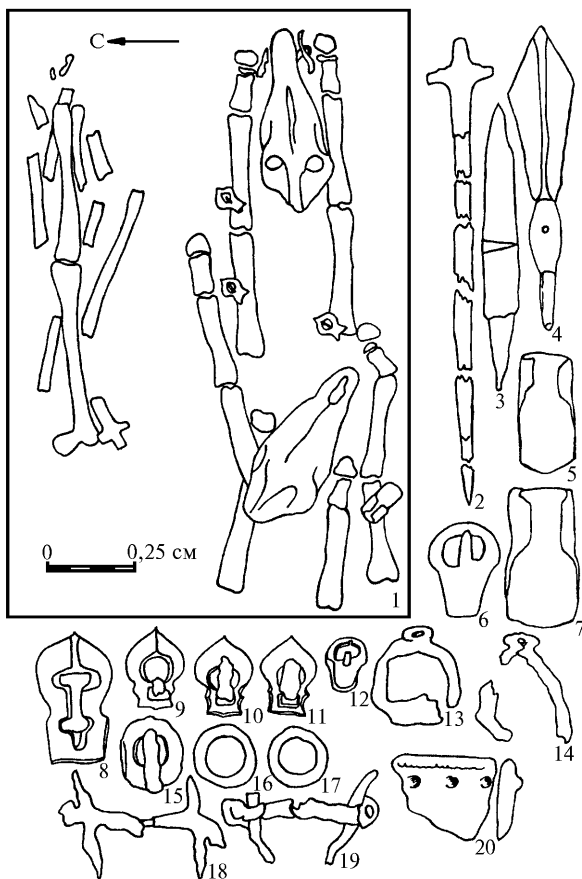

Рис. 1. Материалы из раскопок М.Г. Елькина курганного могильника Ур-Бедари в 1960 г.: 1 – деталь погребения с трупобожжением и шкурами лошадей в могиле №2 кургана №72; 2 – палаш с прямым перекрестием и общей длиной лезвия 91 см, ширина клинка у основания 2,2 см, толщина спинки 0,7 см; 3 – боевой нож длиной 13,3 см, ширина лезвия 1,5 см; 4 – трехлопастной вытяну-торомбический наконечник стрелы с длиной пера 8 см и шириной 3 см; 5, 7 – тесла; 6, 12 – цельнолитые пряжки с неподвижными щитками; 8 – подпружная двутавровая пряжка с выделенной рамкой; 9–11 – рамчатые сбруйные пряжки сrostкинского типа; 13, 14 – фрагменты стремян с приплюснутыми пластинчатым и петельчатым ушками; 15 – бесщитковая пряжка; 16, 17 – кольчатые подвески; 18, 19 – фрагменты удил с эсвидными псалями; 20 – фрагмент венчика с бортиком на внешней стороне и жемчужным орнаментом (3, 4, 6, 12–19 – могила №1; 2, 5, 7, 9–11 – могила №2; 20 – насыпь. 2–7, 13–15, 18, 19 – железо; 6, 9–12 – бронза; 16, 17 – серебро; 20 – керамика)

Еще одна группа погребений в предгорьях Алтая, ингумации со шкурой коня, синхронная и даже может быть предшествует кремнированным погребениям, также имеет явные аналогии в кургане №2 памятника Сростки с китайской монетой 766–780 гг. (по А.А. Гавриловой), т.е. с датой не позже середины IX в. (Савинов Д.Г., 1998, с. 179, табл. VIII, IX). Такая дата подтверждается археологически по новым формам вещей и их орнаментации в пределах конца VIII – 1-й пол. IX вв. (Могильников В.А., 2002а, с. 79–70). Это локальная группа погребений, уже интегрированная с этносом кимаков, также не отождествляется со сросткинской АК и тем более с кимакскими памятниками, основной массив которых связан с X – 1-й пол. XI вв. (Могильников В.А., 2002а, с. 70).

В научной литературе сначала появились серьезные сомнения в кыргызской принадлежности верхнеобских кремнированных погребений (Троицкая Т.Н., 1991, с. 170–171), а затем и иные интерпретации полных сожжений в курганах сросткинской культуры, отличные от кыргызских. Впервые такие погребения названы «самодийскими», в качестве одного из субстратных компонентов рассматриваемой культуры, в совместной статье барнаульских археологов (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). Если принять эту точку зрения на инокультурную интерпретацию полных сожжений VIII–IX вв. на юге Западной Сибири, то тогда без всяких натяжек становится понятным, почему формирование новой сросткинской АК связано с северо-восточными окраинами кимакского ареала. Ведь активное взаимодействие кочевых групп с «потчевашцами» и «верхнеобцами» происходили именно в приграничных районах. В отличие от Павлодарского Прииртышья и Барабы, где к рубежу VIII–IX вв. уже сложилась новая синкретичная культура Бобровского и Чулымского могильников, в алтайской лесостепи этот процесс еще находился на начальной стадии формирования новой культуры. Дальнейшее расширение ареала «Сросток» в северо- и северо-восточном направлении также не случайно. Этому предшествовали три важнейших для юга Западной Сибири военно-политических события: разгром Уйгурского каганата, последовавшая за этим военная экспансия кыргызов и образование каганата кимаков. Археологически это фиксируется как середина IX – 1-я пол. X вв. Этим же периодом датируется новый этап в развитии «Сросток», он же является завершающим для верхнеобской культуры. В это время происходит очередная трансформация обоих

культурных образований, обусловленная преимущественно внешним фактором.

Таким образом, бассейн Верхней Оби в раннесредневековую эпоху занимал особое место в культуругенезе юга Западной Сибири. Происходившие здесь историко-культурные процессы, как это установлено археологическими средствами, являются ключевыми для понимания не только специфики развития этого региона, но и общего направления и результатов культуругенеза в лесостепном Обь-Иртышье.